

**ПРИНЦИП КОНТРАСТА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ
ЭПОХИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ ВО «ВРЕМЕННОМ»
ИВАНА ТИМОФЕЕВА**

О.А. Туфанова

Традиционно литературу 1604–1620 гг., посвященную эпохе Смуты, принято делить на произведения, выражающие «интересы правящих боярских верхов» («Повесть 1606 года», «Иное сказание»), и произведения, имеющие антибоярскую направленность и отражающие «интересы дворянства и посадских торгово-ремесленных слоев населения»¹ («Новая повесть о преславном Российском царстве», «Сказание» Авраамия Палицына», «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» и др.). К последней примыкает и «Временник по седмой тысящи от сотворения света во осмой в первые лета», или более кратко – «Временник», дьяка Ивана Тимофеева.

О жизни и деятельности Тимофеева сохранилось сравнительно немного сведений. Ученым² удалось установить его настоящее имя – Семенов Иван Тимофеевич, по прозвищу Кол (ок.1555 – н.марта 1631), однако в науке закрепилось иное имя – Иван Тимофеев. Достоверно известно также, что он подписал избирательную грамоту Бориса Годунова 1598 г., встречаются его подписи и в грамотах 1605 г. В начале царствования Василия Шуйского приказный дьяк Тимофеев был послан из Москвы на службу в Великий Новгород, где и стал очевидцем захвата города шведами и пережил трагедию оккупации. Затем он служил в Астрахани, Ярославле, Нижнем Новгороде, Москве. Среди современников Тимофеев слыл человеком книжным, в литературу вошел как автор одного произведения, сохранившегося в единственном списке³.

«Временник» неоднократно становился предметом исследования историков и филологов. В центре внимания медиевистов, обращавшихся к тексту памятника, стояли прежде всего вопросы текстологического анализа⁴ дошедшего до нас списка 30-х годов XVII века, вопрос об авторстве памятника⁵, его структуре⁶, политическое учение Тимофеева⁷. Собственно художественной ткани произведения посвящено сравнительно мало работ. Большой вклад в изучение литературных особенностей памятника внесли О.А. Державина, Д.С. Лихачев, В.П. Адрианова-Перетц, М.А. Коротченко. Учеными были выявлены ведущие сквозные мотивы, характерные в целом для публицистики Смутного времени⁸, определен круг ведущих символов памятника⁹, проанализированы особенности создания противоречивых характеров исторических деятелей, в частности характеры Ивана Грозного и Бориса Годунова¹⁰.

Общепризнанным в науке сегодня является взгляд на проблематику памятника. Будучи приверженцем сильной монархической власти, Тимофеев делит царей на истинных и неистинных. Это положение, неоднократно отмечаемое в исследовательских работах, посвященных «Временнику», в основном рассматривалось сквозь призму политических взглядов Ивана Тимофеева. Ме-

жду тем оно имеет в произведении вполне конкретное художественное выражение. Все произведение подчиняется этой главной парадигме, раскрываемой на основе множества самых разных художественных средств. В основе изображения царей и самозванцев лежит принцип контраста, выстраиваемый как на симметрии самих главных образов, так и на симметрии отдельных черт, по которым сопоставляются и противопоставляются истинные и ложные государи.

1. Первая бинарная оппозиция (*царь – рабо/лжецарь*) возникает в повествовании уже в начальных строках разных глав, посвященных правителям. Понятие «государь царь и великий князь» Тимофеев прилагает исключительно к образам Ивана Грозного¹¹ и Федора Ивановича¹². Если же употребляет только слово «царь» по отношению к Федору Ивановичу, то обязательно добавляет положительные оценочные эпитеты: «благага царя» (28), «благочестиваго царя» (28), «освятованный же царь» (27).

Иначе дело обстоит с образом Бориса Годунова. Лишь однажды по отношению к Годунову Тимофеев применяет понятие царь: «О Борисе же царе» (72). Но инверсионное употребление этого понятия, отсутствие положительных эпитетов заставляют звучать это утверждение иронически-презрительно. В большинстве случаев по отношению к Борису Годунову Тимофеев использует понятия «лжецарь» (32), «рабоцарь» (56). Аналогичным образом автор «Временника» именует Лжедмитрия I: «Лъже – и самоцарь» (72); «дву лжецарей» (32). Те же определения употребляются для характеристики царствования Лжедмитрия II: «лжецарю» (124, 127, 129); «ложна царю» (124).

По отношению к Василию Шуйскому Тимофеев использует понятие «царь»¹³, но только в названиях глав, посвященных его правлению. Внутри же текста глав этому слову всегда сопутствуют отрицательные эпитеты: «растлительный умом мнимый царь» (102). То есть употребление понятия «царь» в названиях глав весьма условно, а словосочетание «мнимый царь» в некотором смысле является контекстуальным синонимом к понятию «лжецарь».

2. Вторая бинарная оппозиция связана с особенностями трактовки имен правителей (*сакральное имя/извет имени*). Имена истинных царей имеют в тексте памятника иноказательные эквиваленты, вычитанные, как было установлено О.А. Державиной¹⁴, Тимофеевым в «Степенной книге»¹⁵. Иван Грозный, согласно тексту, носил благодатное имя: «благодатноименнаго царя» (11); «Благодати же соименный» (150). Имя «Феодор» также получает иноказательное толкование: оно переводится автором как «божий дар»: «по толку божия си дара стяжа имя» (24).

В отличие от имен истинных царей всея Руси, имя «Борис» не имеет никакого толкования и даже не вписано Богом в «животные книги» «богоненавистных ... дел ради». Имя «Григорий» также не имеет иноказательного варианта в тексте. Назвав себя царским именем – Дмитрием Ивановичем, Гришка Отрепьев таким способом «всынотворився»: «преславным именем во образе царска сына вменився... всынотворився ему» (83). Аналогичным образом трактует Тимофеев принятие на себя чужого имени Лжедмитрием II: «инаго второруга-

теля, существу имени изветом истоваго государя царевича Дмитрия сказующе» (121-122).

Здесь просматривается важная в характеристике самозванцев речевая формула – «извет имени» с акцентом на слово «извет». Данное слово превращается в тексте в своеобразный символический знак неистинности, находящей выражение и в принятии на себя чужого имени, и в мнимом благочестии, и в мнимой храбрости и т. д. «Извет» чего-либо – это знак вывороченности, обратная сторона положительных характеристик, присущих истинным государям, и постоянная составляющая характеристик ложных царей.

3. Все законные наследники русского престола принимали царство из рук своих отцов. Так унаследовал престол Иван Грозный: «государя Василия Ивановича ... *корень по коленству ... законно же и святолепно сынови от отец доднесь происхождаху*» (10-11). Его восприемником стал родной сын – Федор Иванович – законный наследник царского престола: «престола родителева наследник бысть» (24), «отечества си престол святолепне наследова» (151).

В отличие от истинных царей, самозванцы «самохотящ» (53) совершали «наскочение на превысокая» (56). Тимофеев описывает их как людей, «чрез подобство наскакающих на царство» (34). Борис Годунов «дерзостию и прегрешно зело *наскочение* на превысокая сотвори» (56). Аналогичный способ захвата власти избрал Лжедмитрий I: «на самый богом помазанных верх безстудие... *наскочил*» (95). По своей воле, «самохотно» занял царский престол Василий Шуйский: «*самохотно* восхищением *наскочивше* безстудне от боярска чина на царство» (91). Второй Лжедмитрий также «*самозванным* новобогоотступником» (98) воссел на царский трон.

Обязательный элемент в характеристике царей – их происхождение. Все законные цари происходили из знатного рода Калиты, все они олицетворяли «богом дарованную миру в насладие отрасль» (28), «всекрасныя леторасли домосадныя и плодоноси» (32), их «корень»¹⁶ уподобляется в тексте «Временника» «добрый маслине» (32). Самозванцы «зело *неблагословна корене*, ни по избранию людей, но от страдническия четы, безъименных, мельчайших... *яко дивимаслина*» (32).

Василий Иванович Шуйский – единственный из всех, кто «самоизбранна» стал царем всея Руси, – «перводержавнейшим сроден бе» (101). Но и он, «приплетеса» «страстем плотским», «умом растлися», и потому его благородное «царственное» происхождение, родство с истинными государями не помогло ему ничем в утверждении на царстве.

4. Истинные цари, по версии Ивана Тимофеева, всегда отличались благонаравием. О Федоре Ивановиче сказано: «царя благонаравно недвижение к злобе» (39). Он сопоставляется со свечой, светом: «яко свеща всемирная нам возжена, ли звезда пресветлая оставшая» (152).

Иван Грозный удостаивается в тексте высоких поэтических эпитетов, значение которых усиливается приставкой *пре-* и обобщающим местоимением всех: «превысочайшаго во-истинну и преславнейша *всех* бывших... паче же во

благочестных над всеми пресветлыми» (10); «Иванна, превеликого царя» (16). Если же Тимофеев и пишет о неблагонравном поведении Ивана Грозного, то все равно употребляет сравнительно высокую лексику. Так, имя царя Ивана Грозного нередко сопровождается эпитетами «яростивый» (15), «суров», «неприступен» (11).

По отношению к «самозванцам» Тимофеев использует исключительно сниженную лексику. Постоянный эпитет, сопровождающий имя Годунова, – «злой»: «злоковарен... свою злобу... злолютством... злобы своей» (28); «злых злейша... злый раб» (29) и т.д. Лжедмитрию I и Василию Шуйскому автор «Временника» дает сходные повторяющиеся характеристики: «беззаконно», «всеблудно», «скотолепно»¹⁷. Ругательно-обличительная лексика, представленная через ряды однородных членов и усиливаемая повторами местоимений «все», «всему», «всяко», символизирующими постоянство, является ярким изобразительным средством принижения образов самозванцев.

Согласно тексту «Временника», Василий Шуйский, как и его предшественники, погряз в «кровопролитиих неповинных кровей» (101). Он и его воины все «грады и веси» России «в различья смертей до основания низложив, всеродно испровергоша» (91). И не было места на Русской земле, «идеже правоверных кровми горы и холми не поляишася, и удолия, и дебри вся наполнишася, и водам естество, ими очервив, згустися» (91).

Достойным преемником своих «самозванных» предшественников выступает в тексте и Лжедмитрий II: «злоревнителя злу паче инех других себе одинакого такова показуя всем» (98). Его образ, в меньшей степени разработанный, нежели другие, тем не менее осознаётся как самый злобный, ибо его злоба – самих бесов злоба во плоти: «во злых недостаточествовати самех злобою бесов» (98).

5. Истинные цари в изображении Тимофеева предстают настоящими воинами-защитниками, не случайно их символическим знаком становится образ «инорога в бранех». Так, говоря о военных заслугах Ивана IV, Тимофеев сравнивает его славу и величие со славой и величием Александра Македонского¹⁸. Говорит о том, что Иван Грозный отвоевывал города и земли у других народов и присоединял к своему царству. Его противники – и враги, и соседствующие с Русской землей государства – постоянно ощущали нависший над ними меч¹⁹. В тексте подчеркивается непобедимость Ивана Грозного, его непреклонность к врагам, царь именуется собирателем Русских земель.

Борис Годунов, в отличие от истинных царей, постоянно демонстрирует в течение всей своей карьеры «немужество» (41), но при этом страстно желает предстать в глазах людей храбрым человеком: «показуя изветом своея храбрости» (57). Но это только видимость, мираж. Причем обманывает таким способом Борис Годунов всех подряд: и царя Федора Ивановича, и врагов земли Русской, и в конечном итоге всех русских людей. Особенно ярко «лжехрабрость» Бориса Годунова проявляется на фоне сопоставления его поступков с деяниями по-настоящему храбрых истинных царей. Тимофеев проводит неявно выраженную параллель между двумя событиями: набегом на Москву крымского хана

Казы-Гирея в 1591 году, которого в действительности сумел «устрашить» царь Фёдор Иванович²⁰, и мнимым преследованием бежавшего в страхе хана Борисом Годуновым²¹. Столь же очевидна показная храбрость Годунова [*«яко храбор являясь»* (57)] и в эпизоде стояния войска «лжецаря» на берегу Оки. В обоих случаях Годунов только имитирует воинскую доблесть и храбрость: в первом случае – погоню за ханом, что подчеркивается ярким сравнением «яко по ветре» (40); во втором – устрашением противника, «не наветующаго нам бранью тогда» (57), с помощью «белосущаго лнянотканиа снеговиден града» – палаточного городка, разбитого на пустом месте, издалека напоминающего каменный город²² и сопоставимого в памятнике с военным чудом времен Федора Ивановича – «гуляй-городом».

Годунов сумел обольстить людей и добиться главной цели всей своей жизни – стать царем всея Руси. Но каким царством он управляет? Кто его подданные? Молчаливый народ, беспрекословно подчиняющийся злодею, уподобляется в тексте «Временника» свиньям [*«неразумных свиней обычай»* (76)], рыбам [*«вси тогда онемеша и равно ему попустиша и безгласни бо быша, яко рыбы»* (27)]. По сути, «рабоцарь» Борис, так долго омрачавший людей, достиг своей цели: его подданные оказываются «несмысленнее скотов», а сам он управляет не человеческим, а каким-то звериным царством.

6. Истинных русских царей всегда, по мнению Тимофеева, отличало благочестие. Иван Грозный именуется в тексте благочестивым царем: «во *благочестних* над всеми пресветлыми» (10); «*благочестивых благочестивейших*» (11). Его благочестие подобно благочестию его предков, от них он воссиял, «яко утренняя от солнца восходит заря» (11). И это не было показной верой, что весьма значимо для Тимофеева. Твердость в вере [*«самоизвольную его о вере твердость известную»* (16), «за непоколебимое веры столповиднаго его стояния» (17)] – оценивается Тимофеевым как положительное качество, отличающее истинного царя всея Руси от неистинного.

Федор Иванович изображается во «Временнике» царем-праведником. На протяжении всего повествования Тимофеев делает акценты на молитвенных, духовных подвигах последнего сына Ивана Грозного, на иноческом поведении князя²³, подчеркивает его благочестивость: «паче зело благочестив бе» (24), «сего благочестиваго царя Феодора» (28) и др. Порой царь Федор Иванович наделяется эпитетом «освятованный»²⁴. Будучи сам «кроток, и мног в милостех ко всем, и непорочен», он избрал, по мнению Тимофеева, соответствующую манеру править – тихо и безмятежно: «тихо и безмятежно царствова» (24). И Русская земля в период его правления пребывала «в покои всяцем и изобилии же и тишине отовсюду» (24). Враги, «противныя», согласно тексту, не смели во время правления Федора Ивановича вступать в Русскую землю, так как она была под охраной молитвы царя. Именно молитвой царь Федор Иванович, по мысли Тимофеева, отгонял врагов от Русской земли: «молитвами к богу от противных навет ту всюду невредно царь мой окружая» (25); «молитвою противныя ему одолеваша. И толико ему возмогаше молитвенная сила» (22).

Иное отношение к благочестию и церкви у лжецарей. Все, что делает Борис Годунов в отношении веры, трактуется Тимофеевым как обман: внешнее деяние не отражает истинной сути его внутренних намерений. Автор «Временника» отказывается верить в истинность «благоденний» Годунова. Так, например, возведение церкви и Донского монастыря на месте, где стояло против хана московское ополчение, воспринимается писателем как лжеблагоденствие. Снова используется формула «честнолюбивый изветом веры» (43). И, чтобы читатель правильно понял его, Тимофеев в дальнейшем разъясняет формулу: «вещи убо видения благоделно, истинною же – паче своего превосходны тщеславия имя о победе сим возвышая в роды» (43).

Аналогично Борису Годунову поступает и Лжедмитрий. Желая обвенчаться с католичкой Мариной Мнишек, он собирает православный собор, чтобы испросить его, стоит ли ей креститься второй раз. Этот собор истолковывается Тимофеевым как «извет»: «извет творя яко праваго совета» (87). Не уважая православную веру, Григорий Отрепьев оскверняет православный храм, превращая его в «просту храмину», наполняя еретиками, читай – «волками», «бесами». Во главе же этого бесовского воинства – сам Лжедмитрий – «пес со всесквернавою сукою» (88). В связи с этим постоянной сопутствующей характеристикой личности Лжедмитрия и его деяний становятся эпитеты «скверный», «богоотступный»²⁵.

«Извет» творил и Василий Шуйский. Будучи «нечестив», он «к потребе своего студожительства» перелил священные сосуды в деньги, «извет творящу» (103). Более того, Василий Иванович, «к бесом прибегая», промышлял в царских покоях «чародейний творениями» (102). В этом смысле фигура Шуйского на российском престоле оказывается идентичной фигурам безродных самозванцев. Не случайно Тимофеев проводит неявно выраженную параллель: если Шуйский лишь уличался автором в связях с нечистой силой, то Гришка Отрепьев прямо уподоблен антихристу: «Весь сатана и антихрист во плоти являся» (84).

7. И последнее. Женские образы «занимают не много места в ... повествовании, но их краткие характеристики не менее выразительны»²⁶ и имеют весьма важное значение. Образы цариц, противопоставляемых по нескольким критериям (русское и иноземное происхождение, нравственные добродетели и нечестивые пороки, смягчающее воздействие и распаление злобы в царях), являются дополнительным средством характеристики истинных и ложных царей. Если Иван Грозный, а следом за ним и Федор Иванович, и даже Годунов «не от стран призва... но своя его земли дому» цариц «изобрели», то «сквернавица» Марина Мнишек – иностранка. Если русские царицы были украшены добродетелями [«яко маслина доброплодна» (18)], им были присущи благородство и красота душевная и телесная, то Марина Мнишек поразила всех внешними, материальными украшениями: «обаче всеукрашене бо та в царских лепотах» (87). Если русские царицы уподоблялись «горлицам», «голубицам», то Марина Мнишек – это и «человекообразная аспида», и «ехидна», и «нечестивней оного супрузе» (87). Если Анастасия Романовна смягчала «яростивый нрав» Грозного,

супруга Федора Ивановича «ангельского великого сподобься образа» (28), то Марина Мнишек сопоставляется с женами, о которых сказано в Откровении Иоанна Богослова, что они «огнеподобно... дыша... благочестиву хотя потопити изо уст водою» (87). Но Марина Мнишек не водою – кровью затопила всю Россию: «Но убо ехидна сия аще и не водою, яко же та, но Росия вся, мир наш кровию от нея потоплен бысть» (87).

Итоги. Мы рассмотрели основные бинарные оппозиции, на которых выстраиваются образы истинных царей и самозванцев, – *царь/рабоцарь, лжецарь; сакральное имя/извет имени; законное наследование престола/ «самохотное» «наскочение»; благонравие/злоба, кроволюбие; храбрость воинов-защитников/ лжехрабрость; благочестие/извет веры, богоотступничество, связь с нечистой силой*. Приведенный материал показывает, что основными образно-композиционными приемами изображения во «Временнике» Ивана Тимофеева являются приемы антитезы и симметрии, используемые на разных художественных уровнях, в том числе и языковом. Образы исторических лиц, данные в той последовательности, в какой они появлялись на российском престоле, оказываются тесно связаны друг с другом. Психология и характер царствующих особ раскрываются в памятнике на основе четких критериев, нравственную суть которых можно свести к одной бинарной оппозиции: добро – зло.

Дифференциация в произведении царей на подлинных, «природных», «первосущих», и ложных, «не сущих», «наскакающих на царство», диктует и вполне определенную манеру писательства, обусловленную средневековым этикетом. Истинные цари, унаследовавшие престол от своих предков, венчанные на царство в соответствии с древними обычаями или избранные всей землей на царство (как в случае с Михаилом Романовым), не подлежат суду подданных, ибо их власть – власть самого Бога²⁷. Поэтому рассказ о них должен представлять собой по форме риторический панегирик, раскрывающий и демонстрирующий их идеальность. Лжецари, взошедшие на престол по своей воле, должны быть обличены, ибо их власть – от личного желания, а не от Бога, поэтому основной принцип их изображения – резкая, глубоко отрицательная критика.

¹ Кусков В.В. История древнерусской литературы: Учеб. для филол. спец. вузов. М., 1989. С. 219-220; История русской литературы. Древнерусская литература: учебное пособие для вузов / С.Н. Травников, Л.А. Ольшевская. М., 2007. С. 355-356.

² Корецкий В.Н. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1974 г. М., 1975. С. 145-167.

³ Строев П.М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882. С. 269-271; Солодкин Я.Г. Иван Тимофеев сын Семенов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVIIв.). Ч. 2. С. 14-20; Рыбаков Д.А. «Временник Ивана Тимофеева» – несостоявшийся историографический проект начала XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №2 (28). Июнь 2007 г. С. 60-65.

⁴ *Державина О.А.* Археографический комментарий // *Временник Ивана Тимофеева / Подготовка к печати, перевод и комментарии О.А. Державиной.* Под ред. члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. Репринтное воспроизведение издания 1951 года. СПб., 2004. С. 415-450; *Солодкин Я.Г.* *Временник Ивана Тимофеева: Источниковедческое исследование.* Нижневартговск, 2002.

⁵ *Васенко П.Г.* Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника». К истории перелома в развитии древнерусской исторической мысли // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1908. №3 Март. С. 88-121; *Платонов С.Ф.* Древнерусские повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. Изд. 2-е. СПб., 1913. С. 163-166, 448-449; *Полосин И.И.* Иван Тимофеев – русский мыслитель, историк и дьяк XVII века // *Уч. зап. МГПИ им. В.И.Ленина*, т. 60, вып. 2. М., 1949. С. 135-192; *Солодкин Я.Г.* Тимофеев Иван // *ТОДРЛ.* Л., 1985. Т. 39. С. 89-92.

⁶ *Полосин И.И.* Иван Тимофеев – русский мыслитель, историк и дьяк XVII века // *Уч. зап. МГПИ им. В.И.Ленина*, т. 60, вып. 2. М., 1949. С. 135-192; *Державина О.А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // *Временник Ивана Тимофеева / Подготовка к печати, перевод и комментарии О.А.Державиной.* Под ред. члена-корреспондента АН СССР В.П.Адриановой-Перетц. Репринтное воспроизведение издания 1951 года. СПб., 2004. С. 351-409.

⁷ *История политических и правовых учений.* Учебник для вузов. Изд.2-е, стереотип. Под общей ред. члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора В.С.Нерсисянца. М., 1998. С. 224-234; *Черепнин Л.В.* Тема государства в русской публицистике начала XVII в. // *Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции).* М., 1976. С. 175-178.

⁸ *Коротченко М.А.* Публицистика смутного времени (проблематика, проблема авторской позиции, влияние церковной публицистики конца XV – начала XVI вв.). Дисс. на соиск. учен. степени кандидата филологических наук. М., 1998.

⁹ *Державина О.А.* Историческая повесть первой трети XVII века. (Опыт литературного анализа «Летописной книги», приписываемой И.М.Катыреву-Ростовскому, «Временник» дьяка Ивана Тимофеева и «Сказание» Авраамия Палицына.) Дисс. на соиск. учен. степени доктора филологических наук. М., 1958; *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.-Л., 1947.

¹⁰ *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 2006. С. 6-27.

¹¹ *Временник Ивана Тимофеева / Подготовка к печати, перевод и комментарии О.А. Державиной.* Под ред. члена-корреспондента АН СССР В.П.Адриановой-Перетц. Репринтное воспроизведение издания 1951 года. СПб., 2004. С. 10.

¹² «Временник»... С. 24.

¹³ «Временник»... С. 100, 108.

¹⁴ *Державина О.А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». Указ. соч. С. 405.

¹⁵ См. также: *Солодкин Я.Г.* Русская публицистика начала XVII века. Проблемы происхождения крупнейших летописных памятников и «Временника» Ивана Тимофеева. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Кустанай, 1990. С. 276-277.

¹⁶ См. подробнее: *Коротченко М.А.* Публицистика смутного времени. Указ. соч. С. 47-49.

¹⁷ Ср.: о Василии Шуйском – «Прочее не глаголю, яко беззаконно, но яко нечестив всяко и скотолепен, царствова во блуде и пьянствах и кровопролитиих неповинных кровей, к сим же и во вражбах богомерских»(101); о Лжедмитрии I – «Он же, растлитый, ... грехолюбно поживе, всеблудно же, и беззаконно по всему, и рабско, и скотолепно всяко; яко веж бе, тако бе, во плоти бо, яко в гробищи, пребывая...»(89).

¹⁸ «Временник»... С. 10.

¹⁹ «Временник»... С. 15.

²⁰ «Временник»... С. 35.

²¹ «Временник»... С. 40-41.

²² «Временник»... С. 58.

²³ «Временник»... С. 25.

²⁴ «Временник»... С. 27, 26, 151.

²⁵ «Временник»... С. 86, 87, 88, 95.

²⁷ *Державина О.А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». Указ. соч. С. 389.

²⁸ *Державина О.А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». Указ. соч. С.368. См. также: *Успенский Б.А.* Царь и самозванец: культурно-исторический феномен // *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 78.